

М. Конаровский,

кандидат исторических наук, Чрезвычайный и Полномочный Посол России в Афганистане в 2002–2004 гг., в настоящее время заместитель Генерального секретаря Шанхайской организации сотрудничества

АФГАНИСТАН: DÉJÀ VU. ЧТО ДАЛЬШЕ?

В течение многих десятилетий ключевой задачей современного Афганистана являлось обеспечение скорейшей модернизации путем преодоления средневековых основ социально-экономической организации общества. Как добиться этого – принципиальный вопрос, ответ на который пока остается открытым.

В силу ряда исторических обстоятельств осознание правящими кругами Афганистана необходимости преодоления его социально-экономической отсталости не встречало адекватной реакции у местных родоплеменных и религиозно-консервативных элит. Попытки модернизации общества под различными, подчас диаметрально противоположными политико-идеологическими, лозунгами не приводили к желаемым результатам. Так было и в период правления эксцентричного монарха-реформатора Амануиллы в 1920-е годы, и в течение более четырех десятилетий пребывания у власти короля Мухаммеда Захир-шаха – умеренного сторонника конституционной эволюции в поздние послевоенные годы. Так было и при авторитарном генерале Мухаммеде Дауде, который в ранние 70-е под лозунгом буржуазных преобразований ликвидировал монархию и провозгласил страну республикой, и при Народно-демократической партии (НДПА). После переворота 1978 г. ее лидеры поставили задачу «социализации» Афганистана по советскому образцу.

В 1992 г. моджахеды свергли режим НДПА, но, не достигнув внутреннего компромисса в распределении сфер влияния, долго удержаться у власти не смогли. Их место легко заняли экстремисты из радикального религиозно-националистического движения «Талибан». Выдавив своих противников к приграничным с Центральной Азией северным провинциям, они принялись силой насаждать жесткое теократическое правление с одиозными религиозными устоями. Предложить же какие-либо чудодейственные рецепты для экономического развития талибы способны не были.

Наоборот, демонстративное игнорирование элементарных основ современного опыта хозяйствования довело экономическую и социальную структуру страны до окончательного развала. Во время их правления в Афганистане лишь укрепились базы исламистских террористов.

Развитие ситуации после свержения талибов в 2001 г. во многом напоминает сценарии развития событий в 80-е годы прошлого столетия. Десятилетние усилия Вашингтона решить проблемы афганцев методами, внешне, казалось бы, вполне логичными и разумными, при этом на фоне пребывания в стране иностранных вооруженных сил, видимых результатов не дали. По иронии судьбы такой же отрезок времени здесь находился и Ограниченный контингент советских войск (ОКСВ).

Параллелизм действий СССР и США в Афганистане просматривается прежде всего в самом факте ввода в страну иностранных вооруженных сил. Как в конце 1979 г., так и в конце 2001 г. его целью было избавление Кабула от «плохого» режима и его замена на «хороший», который, как предполагалось, должен был соответствовать интересам афганского народа. Правда, основная задача СССР заключалась в существенной «корректировке» во властных структурах, тогда как в 2001 г. речь шла о кардинальной смене режима. Тем не менее в обоих случаях имелось в виду, что после быстрого разгрома оплота «плохих ребят» иностранные воинские контингента в Афганистане надолго не задержатся. Однако жизнь распорядилась иначе. Вскоре оказалось, что талибы (как в свое время и моджахеды) не только не исчезли, но и принялись активно восстанавливать свои военно-политические позиции. На этом фоне эйфория «освободителей», которые, как им казалось, создали предпосылки для перехода страны к кардинальной модернизации при массивной внешней помощи (в первом случае это был СССР, во втором – США и другие страны Запада), вскоре уступила место недоумению, а затем удивлению с оттенком раздражения. При этом иностранцам ничего не оставалось делать, как брать на себя все большую ответственность за все, что происходит в стране.

После введения в Афганистан войск США и Международных сил содействия безопасности (МССБ) население внешне более-менее толерантно, хотя и без особого энтузиазма, воспринимало новую реальность. На общественных настроениях сказывалась усталость от длительного периода нестабильности и резких колебаний политической и идеологической конъюнктуры. Однако уже

через некоторое время перегруппировавшиеся талибы начали активно навязывать тезис «джихада против неверных» и «иностранных оккупантов», не гнушаясь при этом и методами более радикального убеждения соотечественников. Пропаганда находила все более широкую поддержку, поскольку в ее основе лежали беспримысленные тезисы о неприемлемости пребывания в стране «вооруженных иностранцев», а также аллергия на навязывание западных стереотипов, как ранее – советских основ «социалистического строительства». Растущая неприязнь в отношении многочисленных зарубежных советников практически во всех сферах жизни страны усугублялась отсутствием какого-либо прогресса на экономическом фронте, неразберихой в распределении внешней помощи, недобросовестной конкуренцией за «лакомые куски» бюджетных и донорских средств, некомпетентностью должностных лиц, кумовством и коррупцией на всех этажах власти и т.д. Аналогичная картина отчасти наблюдалась и в период пребывания в Афганистане ОКВБ.

Актуальной задачей СССР наряду с проведением совместных с Афганской армией операций по «зачистке духов» (моджахедов) было создание провинциальных административно-управленческих «ядер». Гражданские советники разрабатывали принципы партийно-государственного строительства, реорганизовывали систему просвещения и здравоохранения при безвозмездной помощи СССР, поддерживая в целом бесперебойное функционирование всех основных экономических объектов. Казалось бы, все делалось правильно и в интересах населения. Однако влияние моджахедов не только не ослабевало, но и постоянно росло. Их главный тезис не менялся: неприемлемость «антинародного режима» НДПА, который держится на штыках «неверных» иностранцев. У населения долго оставались горькие воспоминания и от массовых репрессий, и от скоропалительных и мало продуманных реформ, которые буквально «вздыбили» все афганское общество.

Коалиционные силы под военным зонтиком НАТО тоже активно взялись за реализацию идеи так называемых провинциальных восстановительных команд. Цель, по существу, была аналогичной: создание дееспособных и тесно связанных с Кабулом местных органов управления для обеспечения безопасности и предпосылок для экономического и социального развития различных регионов страны. Но как аналогичная схема не работала раньше, так она фактически не работает и сейчас.

Важнейшая задача иностранного военного присутствия в Афганистане, как в период пребывания у власти НДПА, так и после свержения талибов, заключалась в формировании национальных Вооруженных сил при содействии иностранных советников. Американцы приступили к этой работе почти сразу после формирования еще первого правительства Х. Карзая. Не менее энергично ранее действовали на этом фронте и советские представители. Однако, несмотря на все усилия, ни те, ни другие не сумели создать боеспособную афганскую армию.

При этом такое положение приводило к тому, что ОКСВ все чаще был вынужден брать на себя основную тяжесть боевых операций против моджахедов. То же самое происходило и с войсками международной коалиции. К 2011 г. численность иностранных войск в Афганистане достигала почти 150 тыс. человек. То ли по иронии судьбы, то ли по злему року, однако, такой же была численность ОКСВ перед его выводом в СССР.

Реальную ситуацию наглядно продемонстрировала широко разрекламированная в 2010 г. совместная американо-афганская операция «Моштарак». Направленная на выдавливание талибов из стратегически важного района юго-востока страны и нанесение удара по наркопроизводству, но, главное, на восстановление или установление здесь крепкой центральной власти, она давала серьезные сбои. Ситуация развивалась по сценарию, с которым столкнулись в 80-е годы советские войска: после осуществления «зачистки» и ухода войск на местах вновь исчезала центральная власть.

В 1986 г. Москва и Кабул пришли к выводу о необходимости выработки новой политической линии в отношении моджахедов. Это было особо актуально в период, когда вопрос о выводе советских войск уже был практически предreshен. Для придания этим задачам полной легитимности НДПА прибегла к созыву традиционного общенационального совета племенных старейшин – Лойя Джирги, которая и одобрила политику национального примирения. Во властные структуры были привлечены некоторые представители старой элиты, духовенства, а также интеллигенции. Личная репутация многих из них была достаточно высокой, однако возможности влиять на реальную расстановку военно-политических сил весьма ограничены. Стратегия не достигла своей цели. Лидеры моджахедов, несмотря на жесткие распри между собой, единодушно отвергли любые сделки с правительством.

Над идеей политического примирения Кабул и Вашингтон также начали задумываться уже вскоре после свержения талибов и

вывода в страну иностранных войск. Она приобретала все более зримые очертания после того, как в Вашингтоне стали размышлять о целесообразности сокращения своего военного присутствия в стране. К моменту принятия в 2010 г. решения о выводе американских войск такая линия уже приобрела вполне отчетливые контуры. Задача заключалась в том, чтобы отколоть от талибов наименее одиозных элементов либо «случайных попутчиков», которых затем дозированно вовлекать и в некоторые властные структуры. Так же как в середине 80-х годов традиционная Лойя Джирга придала правомочность этому политическому проекту, летом 2010 г. был запущен так называемый «кабульский процесс», предполагавший постепенную передачу национальным органам власти ответственности за ключевые сферы жизни страны, включая обеспечение ее внутренней безопасности. Задача амбициозная, однако будет ли она выполнена, в какой форме и объемах, покажет время. Пока ясно только одно – осуществить проект чрезвычайно сложно, тем более что возможность переговорного процесса с Кабулом талибы обуславливают выводом из Афганистана иностранных войск.

Такой подход талибов предопределил и их реакцию на решение США и НАТО начать летом 2011 г. постепенный вывод войск из Афганистана. Она была аналогична той, которую в свое время проявили моджахеды в отношении решения Москвы о завершении миссии ОКСВ. В обоих случаях логика и надежды внутренних противников Кабула были сходными – после вывода иностранных войск «антинародное» правительство непременно падет или, по меньшей мере, крайне ослабнет, что откроет для оппозиции новые «окна возможностей». С режимом Наджибуллы так и произошло. В 1992 г. Кабул полностью лишился военно-политической и экономической поддержки своего единственного союзника – Москвы, остался в полной международной изоляции и один на один с моджахедами и их покровителями. Те же, со своей стороны, несмотря на Женевские соглашения по Афганистану 1988 г. (они формально предусматривали прекращение внешнего вмешательства в дела этой страны после вывода ОКСВ), продолжали получать значительное материальное и морально-политическое содействие извне. Сегодня талибы, невзирая на все взаимные разногласия, рассчитывают на аналогичный вариант. При этом ликвидация американцами Бен Ладена весной 2011 г. на их позицию не повлияла.

* * *

Вместе с тем было бы не совсем корректно ограничиться параллелями в действиях СССР в Афганистане в 1980-е годы прошлого века и США – в «нулевые» века XXI. Были и значительные различия. Принципиально разным было восприятие в мире нынешних американских, а ранее советских аргументов о вводе войск в Афганистан. Свержение в Афганистане 1979 г. диктатуры Х. Амина дополнительно укрепило просоветскую составляющую режима НДПА, однако было настороженно встречено на международной арене, в том числе у непосредственных союзников Москвы. Иной была картина в начале нынешнего столетия. Свержение талибов и ввод в Афганистан иностранных войск получили поддержку у большей части мирового сообщества. Эти действия проходили в совершенно иных, кардинально изменившихся условиях международных отношений после распада СССР. Быстро получили общую поддержку и тезисы о международной террористической угрозе с территории Афганистана. На фоне роста в мире опасений распространения терроризма как средства достижения политических целей афганская миссия международных сил привела к формированию достаточно широкой внешней коалиции. Силовой операции США и Запада был обеспечен позитивный международный контекст, а МССБ получили мандат ООН. У Советского Союза ни коалиции, ни такого мандата не было.

По-разному расставлялись акценты и при пропагандистском обеспечении ввода в Афганистан иностранных войск. Во главу угла операции Вашингтона ставились прежде всего задачи обеспечения национальной безопасности США после террористических актов 11 сентября 2001 г., а уже потом интересы мирового сообщества и самих афганцев (ведь одно время Вашингтон даже склонялся к признанию режима талибов). Руководство СССР декларировало военно-политическую задачу в обратном порядке: сначала речь велась об интересах афганского народа и «национально-демократической революции», а уже потом – об угрозе безопасности СССР и его союзников.

Как прямое следствие иностранной военной интервенции в начале XXI в. власть в Кабуле перешла к прозападному правительству. Свержение талибов было позитивно встречено мировым сообществом, тогда как приход к власти НДПА в конце 70-х годов

прошлого столетия вызвал у него настороженность и неприятие. Сегодня, несмотря на договоренности о разделе властных полномочий в стране между представителями различных этнополитических группировок, сольную партию в Кабуле играет Вашингтон, а также Запад в целом, а во властных структурах — «американские афганцы». В период НДПА внешней «первой скрипкой» в Афганистане был Советский Союз, а у власти — лица, либо идеологически тесно связанные с СССР, либо получившие там гражданское и военное образование и профессиональную подготовку.

Вместе с тем, по существу, ни один из этих двух кабульских режимов, несмотря на принципиальные различия в их политических и экономических доктринах, а также в масштабах оказываемой им внешней помощи, не смог обеспечить себе поддержку со стороны большинства населения.

* * *

Каков же «сухой остаток» десятилетий как ранее советского, так и нынешнего американского присутствия в Афганистане? Практически никакой. Ни одна из задач, призванных стратегически решить социально-политические и экономические проблемы страны, выполнена не была. Приведенные параллели в «афганской» стратегии и тактике Москвы и Вашингтона подтверждают лишь тезис о принципиальной ограниченности ресурсной базы внешнего воздействия на обстановку в Афганистане и внутреннюю логику ее развития. Внешние рецепты — от радикально-социалистических до либерально-капиталистических — не смогли обеспечить в стране общенациональный консенсус, крепкую центральную власть вне зависимости от ее политической, идеологической, экономической и военной ориентации. «Стабильная нестабильность» в стране на фоне неспособности и нежелания местных элит достигать реальных, а не мнимых, договоренностей и компромиссов неизменно блокировала любые попытки на этом пути. При этом предлагавшие свои рецепты внешние силы рано или поздно становились заложниками складывающейся ситуации. В результате создавались дополнительные условия для военно-политической активности и противников любого режима.

Наиболее актуальный вопрос сегодня: как будет развиваться ситуация в Афганистане и вокруг него после начавшегося вывода войск США и НАТО. Совершенно очевидно, что общая внешняя

канва для такого вывода будет более благоприятной для нынешнего Кабула, чем для Кабула конца 80-х годов. Положение нынешней центральной власти страны серьезно отличается от того, в котором находилось последнее правительство НДПА. Сегодня афганское руководство не только не изолировано на мировой арене, но и, наоборот, пользуется международным признанием и устойчивой внешней поддержкой. Все это создает принципиально иную геополитическую ситуацию в мире и вокруг Афганистана, чем та, которая была характерна для последних десятилетий биполярного противостояния.

Значительным плюсом для сегодняшнего Кабула является и более весомое место Афганистана в структуре региональных международных отношений, чем это было в конце прошлого столетия. Серьезное внимание к стране со стороны внешних сил предопределяется конкретным влиянием ситуации в Афганистане не только на сопредельные регионы, но и в более широком масштабе. Вместе с тем внутренняя нестабильность в этой стране продолжает создавать питательную среду для региональной военно-политической активности талибов и для международного терроризма. На простую ситуацию в Центральной Азии оказывает влияние не только деятельность талибов, но и таких сотрудничающих с ними и «Аль-Каидой» оппозиционных объединений, как Исламское движение Узбекистана (ИДУ), «Хизб ут-Тахрир» и др. Обстановка в Афганистане во все большей степени оказывает дестабилизирующее воздействие и на Пакистан. Ситуация усугубляется тем, что сегодня эта страна превратилась в основной мировой центр производства героина (чего не было в 80-х годах). В последних документах ООН этот факт признается как угроза международной стабильности. С выводом из страны иностранных войск все эти негативные составляющие общей обстановки могут усилиться.

Принципиально важным для перспектив не только Афганистана, но и всего региона является то, что если раньше основную внешнюю канву афганского вопроса, по существу, определяла советско-американская биполярность, то сегодня все в большей мере возрастает влияние многополярных тенденций, предопределяющих расширение географии региональных игроков на афганском поле с собственными интересами и влиянием. Запад уже в ближайшей перспективе может попытаться ослабить бремя собственных расходов за счет попыток частичного вовлечения в решение афганских проблем других государств, включая соседние. Дополнительно подталкивать к этому Вашингтон и Брюссель могут и

новые всплески турбулентности в соседнем Ближневосточном регионе, что чревато отвлечением материальных ресурсов США и других стран Запада от решения сугубо афганских проблем.

Однако переложить часть ответственности в Афганистане на другие страны Вашингтону будет весьма непросто прежде всего из-за различий в подходах соседей Афганистана к проблемам этой страны, да и неоднозначности их отношений с США. При выстраивании дальнейшей линии на афганском направлении американской администрации придется серьезно учитывать настороженность из-за перспектив долговременного американского военного присутствия здесь не в последнюю очередь со стороны членов Шанхайской организации сотрудничества – России, Китая, Казахстана, Узбекистана, Таджикистана и Киргизстана. Сами же они скорее всего будут стремиться к тому, чтобы в перспективе избежать стратегических обязательств перед Кабулом при сохранении своего влияния на конкретные аспекты его политической и экономической жизни. На этом фоне у самих афганских властей появятся новые возможности для проведения традиционной политики балансирования и использования в своих интересах противоречий внешних сил уже при новом, многополярном раскладе в международных отношениях.

* * *

При всех слабостях и недостатках нынешнего правительства Афганистана оно в отличие от режима «позднего Наджибуллы» не останется один на один со своими наиболее одиозными противниками. Большинство государств, в том числе соседи страны, никак не заинтересованы в этом. Объединять их будет общая заинтересованность в стабильности в стране и стремление предотвратить ее резкую радикализацию. А именно такой сценарий сегодня предлагают талибы и «Аль-Каида». Чтобы избежать этого, мировое сообщество при всех финансовых и иных издержках и далее будет вынуждено оказывать Кабулу всемерное содействие. Однако вопрос, сможет ли он при этом одержать верх над своими внутренними оппонентами, остается открытым.

Реконфигурация нынешнего иностранного военного присутствия в Афганистане откроет очередную главу в «Большой игре» на Среднем Востоке, которая продолжается уже третье столетие. Схематично в ней можно выделить шесть этапов. Первый был связан с соперничеством Британской и Российской империй в XIX –

начале XX в. Второй совпал с Первой мировой войной при вовлечении в «игру» Германии, а с 1917 г. и пришедшей на смену Российской империи Советской России. Третий этап был пройден в предвоенные годы и в ходе Второй мировой войны. Четвертый – в период «холодной войны» и формирования биполярного мира с ключевыми ролями СССР и США. Пятый этап «Большой игры» применительно к Афганистану охватывал период пребывания у власти НДПА, кратковременного правления моджахедов, а также талибов. Шестой открыли Боннские соглашения 2001 г., положившие начало формированию в Афганистане прозападного правительства и преимущественно западного влияния в условиях принципиально новой структуры международных и региональных отношений.

Когда и как будет написана седьмая глава «Большой игры», покажет время. Политическая игра вокруг Афганистана ждет своего продолжения, становясь при этом все более многоплановой и противоречивой. Пока же ясно только одно: она не будет последней. 2014 год вряд ли станет завершающим для полной передачи власти правительству Кабула в его нынешней конфигурации. По существу, это признают и сами разработчики новой стратегии США. Глубоко увязнув в Афганистане, Вашингтон вряд ли рискнет и после 2014 г. оставить его без своего «зонтика безопасности». Уже объявлено о намерении сохранить в стране 25 тыс. военнослужащих и обустроить несколько военных баз. Начав вывод из Афганистана своих войск, американцы всячески подчеркивают намерение всемерно противодействовать сценарию «погружения страны в хаос», как это в свое время произошло после вывода советских войск. Такое противопоставление не совсем корректно. Ведь именно Вашингтон вместе с Исламабадом тогда максимально противодействовал тому, чтобы правительство Наджибуллы, уже после вывода советских войск, завершило политику национального примирения. Если бы США и Пакистан оказали давление на моджахедов и те начали бы переговоры с Кабулом, а выработанные ранее Женевские соглашения могли бы способствовать этому, то последующие события в Афганистане могли бы и не привести к появлению уже к середине 90-х годов движения «Талибан». Заинтересованные в стабильном Афганистане региональные игроки будут вынуждены мириться с таким положением, по возможности извлекая из него и некоторые дивиденды и для себя.

Если новая нестабильность на Ближнем Востоке приведет к новым рецидивам территориально-национальных размежеваний,

то это может вызвать аналогичные процессы в северных и северо-западных районах Афганистана, тем более что такие схемы выработывались и ранее. Вместе с тем попытки реализации подобного сценария, в том числе на фоне выдвигаемых сегодня в Вашингтоне упрощенных схем некоей регионализации Севера и Юга этой страны, а также разделения ее по территориально-национально-этническому признаку, могли бы привести к резкой дестабилизации не только в Афганистане, но и вне его. Прежде всего это касается Средней Азии, а также Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая. На территории Северного Афганистана смешанно проживают не только узбеки и таджики, но и потомки переселенных сюда на рубеже XIX–XX вв. пуштунов. Вопрос заключается в том, как будут делиться эти земли и проводиться новые границы или разграничения?! Помимо и неминуемого резкого обострения на Севере страны ситуация немедленно приведет к волнениям и среди афганских пуштунов. С одной стороны, они вряд ли согласятся на раздел страны, а с другой – могут вновь начать активно эксплуатировать лозунг «Великого Пуштунистана» и возвращения исконно пуштунских земель, составляющих в настоящее время значительную часть территории Пакистана. Дальнейшее усугубление нестабильности в этой стране – пока еще ключевого союзника Вашингтона в Южной Азии, вряд ли будет соответствовать интересам США в регионе.

Наиболее разумным как для Кабула, так и для внешних игроков на афганском поле было бы обеспечение более широкой автономии внутри страны при сохранении ее центральными властями таких ключевых прерогатив, как контроль над финансами, внешней экономической помощью и торговлей, внутренней и внешней политикой, силовыми структурами и т.д. Одновременно вряд ли удастся избежать значительной, а возможно, достаточно радикальной смены внутривластных и идеологических ориентиров правительства. Именно в этом ключе, чтобы выжить, действовал в начале 90-х годов президент Наджибулла. У него не получилось. Получится ли это у нынешнего Кабула, будет ли наконец достигнут в стране общенациональный консенсус в отношении ее будущего?

Вся история Афганистана – от античного и средневекового периодов до Нового и Новейшего времени – наглядно свидетельствует о том, что в течение многих столетий территория этой страны находилась на перекрестке взаимодействия многих мировых цивилизаций как Запада, так и Востока. Такое взаимодействие, а

скорее столкновение, далеко не всегда было мирным и безоблачным. В XIX–XX вв. значительное влияние на политическое и социально-экономическое развитие страны оказывали ее контакты с индустриальным Западом и его современной цивилизацией. В последних декадах прошлого столетия для Афганистана были доминирующими его тесные отношения, в том числе идеологические, с Советским Союзом. В начале XXI в. основной внешней силой в этой стране стали западные государства либерально-демократической ориентации.

На нынешнем, весьма чувствительном, этапе развития Афганистана, когда будут сохраняться активные попытки внешнего воздействия на магистральную направленность его развития, весьма важно избежать очередного «столкновения цивилизаций» (известный термин С. Хантингтона). Прежде всего, речь может идти о противоречиях традиционалистско-исламской и либерально-западной моделей. Стратегическим интересам как самих афганцев, так и внешних сил отвечало бы партнерство, а не противоборство в процессе движения к строительству нового общества. При этом представляется целесообразным избегать, с одной стороны, навязчивого насаждения резко отторгаемых внешних стереотипов, и с другой – гипертрофированного выпячивания специфических особенностей и архаичных устоев, основанных на исламе.

Огромное значение цивилизационного партнерства на различных, в том числе геополитическом, направлениях мировой и региональной политики в интересах обеспечения стабильности в современном глобальном мире бесспорно. Именно поэтому в последние годы данному вопросу уделяется повышенное внимание на многих международных форумах, а также в документах Организации Объединенных Наций. В связи с этим, возможный опыт достижения национального примирения и государственного строительства в Афганистане с учетом как исторических и этнорелигиозных особенностей страны, так и влияния внешних факторов на процессы в ней, мог бы иметь большое практическое значение. Ведь в умиротворении и стабилизации в Исламском Государстве Афганистан заинтересованы многие соседние, региональные и внерегиональные государства неоднородной цивилизационной ориентации.

«Партнерство цивилизаций: Нет разумной альтернативы», М., 2011 г., с. 97–110.